

И.С. Савин

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТАТЬЕ А. ИЛЬХАМОВА

После долгих раздумий о том, какое из многообразных ощущений по поводу обсуждаемой статьи А. Ильхамова “Археология узбекской идентичности” является для меня доминирующим, должен сказать, что все-таки это чувство удовлетворения. Удовлетворения от того, что подобные публикации, которые заслуженно становятся объектом дискуссий, создают интеллектуальное напряжение, которое способно производить плодотворный исследовательский импульс, направленный на углубление нашего понимания тех или иных социальных или исторических явлений.

Критерием того, что данная статья есть пример именно такой публикации, являются для меня два обстоятельства. Во-первых, автор предлагает рассмотреть этногенез не как неизбежную смену последовательно возникающих четко обозначенных типов, а как подвижную, живую историю распространения, господства и отмирания различных, зачастую конфликтующих между собой систем самоописания и самосознания человеческих сообществ. Историю, в состав значимых факторов которой включены не только объективные, структурные особенности того или иного региона и времени (природно-географические и социально-политические условия), но и мотивы и устремления множества людей, пытающихся осмыслить и переустроить свое время и общество (начиная со средневековых географов и правителей вплоть до советских и постсоветских востоковедов и политических руководителей). Немаловажно отметить также, что в предлагаемую А. Ильхамовым интерпретацию истории узбекского народа входит и занимательная и запутанная история появления и исчезновения многообразных топонимов и этнонимов, включающая анализ факторов, обусловивших возникновение этих концептов.

Во-вторых, автор предлагает коллегам более активно включать в арсенал своих исследовательских инструментов методы анализа, пришедшие в историю и этнологию из интерпретативной социологии и философской культурологии. С этой точки зрения, история народов Средней Азии может представлять из себя, помимо всего прочего, историю возникновения и распространения тех или иных систем самовосприятия, которые складывались в определенном месте в определенный период и были не только схемами, удобными для использования поколениями последующих историков, но и являлись факторами, обуславливающими мировоззрение и социальные стратегии людей, живущих и действующих в изучаемое время. Статья “Археология узбекской идентичности” – едва ли не единственная попытка центральноазиатских историков и этнографов проинтерпретировать известные исторические аргументы в этой парадигме и уже только поэтому заслуживает самого пристального внимания.

Специалисты по истории народов Средней Азии наверняка предложат свои формулы происхождения узбекского народа и укажут на другие возможности интерпретации фактического материала, использованного А. Ильхамовым. Автору данного отклика, не принадлежащего к их числу, трудно оспаривать или комментировать конкретные положения обсуждаемой статьи, но от сопоставления его выводов с размышлениями по поводу становления этнической идентичности у казахов в начале XX столетия удержаться трудно.

1. В отличие от узбеков, среди племен, населявших территорию большей части современного Казахстана, с довольно давних пор было распространено единое само-

название “казахи”. Но, как представляется, оно, будучи заимствованным от внешних по отношению к казахам наблюдателей (средневековых и более поздних географов и путешественников), не имело большого значения в повседневной социальной жизни кочевников, будучи актуализованным чаще лишь во время военных походов и т.д.: “Общий для всех киргизов¹ без различия их юза² и родов уран³ есть алач, употребляемый ими в деле с иными нациями: Алач-уранды каза”⁴. В условиях же каждодневной практики взаимоотношения, когда вокруг все казахи, гораздо большее место занимало выяснение того, к какому роду принадлежит встреченный человек – своему или чужому, так как от этих взаимоотношений зависел социальный статус кочевника и предписанные ему в соответствии с этим роли во многих сферах жизни: “Распрос о роде являлся чем-то вроде удостоверения личности”⁵.

О двойственной идентичности казахов и о решающей роли в их повседневной социальной жизни родовых институтов пишут как местные авторы XIX–XX вв., так и русские исследователи: “Их (казахов. – И.С.) отличает от других тюркских народов общее им всем осознание принадлежности к народу казаков и к одному из братских племен этого широко разветвленного народа”⁶; “В основе всего социального и правового строя киргиз и сознания ими себя как единого национального целого лежит родовое начало. Сущность – признание кровного родства, хотя бы и мнимого, единственным стимулом совместной жизни на основе общих экономических интересов и самозащиты. Каждый отдельный род рассматривается как самостоятельный и главный субъект прав. Внутренняя структура рода пронизана патриархальными отношениями”⁷; “Не нацию, а родовой союз составлял казакский народ в то время, когда он был покорен русскими”⁸.

Итак, несмотря на то что казахи дореволюционной поры имели единое самоназвание, были относительно едины в культурном отношении и осознавали свое единство, все это еще не означало для казахской интеллигенции того времени, что они составляют единую казахскую этнонацию в современном европейском понимании. Имеется в виду общество, в котором культурная гомогенность совпадает с осознанием общих социальных и политических задач. Для казахов естественная общность социальных интересов была свойственна членам одного рода, но не всем казахам в целом. Такие наблюдения за особенностью формирования этнической идентичности у казахов вполне коррелируют с выводами А. Ильхамова об отсутствии у жителей Средней Азии в досоветский период этнического самосознания на уровне “больших” наций – узбеков, таджиков и т.д.

2. Мечтая о создании собственного национального, т.е. управляемого выходцами из местной среды, казахского государства, национальная интеллигенция ставила перед собой задачу осуществлять целенаправленные усилия в этом направлении. Им требовалось создание “целых народностей и государств как культурно-исторических разновидностей”⁹. Еще несколько цитат, подтверждающих этот вывод: “Формирующаяся киргизская нация должна оформливать свою нацреспублику со своим национальным культурным и экономическим центром. Киргизы как нация – результат революции, Киргизия (имеется в виду будущий Казахстан. – И.С.) как национальная республика – результат завоевания революции, революции на благо трудящихся”¹⁰; “Жажда равной с другими народностями культуры создает для киргиз тяжелый тернистый путь неустанно-непреклонного труда для собственного осознания и приобщения к общечеловеческой культуре. Цель – перестать быть этнографическим материалом и стать национальностью. Встает перед киргизским народом задача национального осознания себя и культурно-экономического строительства своей республики. Необходимо киргизскому народу овладеть советским аппаратом... развить свою литературу и, наконец, через школу и изучение европейских языков приобщиться к общечеловеческой культуре”¹¹.

По совершенно другим причинам примерно такую же позицию в отношении населения Средней Азии и Казахстана занимала и советская власть. Большевики исходили из собственной целесообразности: “там, где мы идем навстречу их национальным особенностям, где мы насаждаем национальную культуру на их родном языке, там везде заметно оживление, движение к закреплению дружественных отношений с советской властью... Отсталые племена могут быть выведены на путь борьбы за мировую власть пролетариата только благодаря экономическому и культурному подъему. А это в настоящих условиях возможно только через насаждение национальной культуры”¹². В дальнейшем эти задачи претворились в строки решений партийных съездов. Например, в резолюции X съезда РКП(б) “Об очередных задачах партии в национальном вопросе” от 15 марта 1921 г. прямо говорится: “...задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию, помочь им: а) развить укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов”¹³. А еще через несколько лет эти цели стали руководством к действию и в самих республиках. В своем докладе на IV Всеказакской конференции РЛКСМ руководитель казахстанской партийной организации Голощекин отмечал: “Вопрос о казахской нации – основа национальной политики нашей партии, ...перед нами стоит задача государственного оформления, самоопределения казахской нации в советской форме”¹⁴.

На наш взгляд, приведенные данные из казахстанской раннесоветской общественно-политической практики свидетельствуют в пользу выводов А. Ильхамова о ключевой роли целенаправленных усилий идеологов и практиков советской национальной политики в создании среднеазиатских “социалистических наций”. Для ученых и государственных деятелей первых лет советской власти создание народов было не результатом “естественного процесса этногенеза”, но практической задачей сегодняшнего дня: “Национальное самосознание, тем более стремление к национальному самоопределению, не есть готовый продукт самого факта наличия купно живущих людей, говорящих на одном языке, исповедующих одну религию и принадлежащих к одному племени или одной группе племен. Поэтому происходящее сейчас в Средней Азии размежевание, с образованием национальных республик... – результат социального и экономического развития, несомненно, революционного развития, сильный толчок которому дала Советская власть. Могли ли образоваться национальные государства до завоевания ее русскими? Безусловно, нет! Национальный момент не имел никакого значения в феодальной Средней Азии”¹⁵.

3. С формированием наций, если судить по состоянию этнического самосознания в постсоветских государствах Средней Азии, власти в целом справились. Этот момент также отмечен в статье А. Ильхамова. Однако в ней не нашлось места подробному описанию путей и механизмов проникновения в сознание широких масс населения “национальной” идентичности и процесс “нацистроительства” описывается преимущественно на уровне деятельности творцов “национального дискурса”. На наш взгляд, у читателя может возникнуть односторонняя картина полного произвола интеллектуалов и руководителей в деле создания наций, которые игнорировали особенности коллективного сознания широких масс населения. На самом деле, можно говорить о своеобразном периоде “сосуществования”, когда образованные люди и люди, близкие к власти, использовали уже новые общественные категории, пришедшие с Запада и выглядевшие в их глазах прогрессивными. В то же время большая часть населения жила в рамках традиционных представлений, постепенно усваивая новые принципы мироустройства, которые преподносились в привычной для их сознания форме. Причем, использование “национальных” категорий в условиях Средней Азии было не прихотью национальной интеллигенции, пытавшейся привнести в народную среду нечто чуждое и ненужное. Пафос “нацистроительства”

объяснялся прежде всего желанием достичь социального прогресса для своего народа. А поскольку технические завоевания Запада на фоне отсталого Востока были впечатляющими, то и свойственные Западу особенности общественной организации воспринимались как катализаторы необходимых социальных изменений¹⁶.

Попытаемся иллюстрировать это, используя материалы Казахстана. Для того, чтобы сформировать “национальное самосознание” у людей, для которых главным субъектом коллективного социального действия была родовая общность, нужно было внедрить в массы представления, согласно которым привычное кочевникам ощущение общности социальных интересов только у членов рода распространилось бы на всех носителей специфической казахской “культуры”. Для этого нужно было решить, как минимум, две задачи: 1) развивать более-менее унифицированную культуру, близкую или хотя бы знакомую всем тем, кто называет себя казахами; 2) объяснить, что культурная общность всех казахов строится на общей судьбе и общем происхождении.

В случае с казахами, которые всегда мыслили себя прежде всего родовыми категориями, была избрана близкая им стратегия формирования мифа об общих для всех предках: “Тюрки-кочевники всегда представляли себе происхождение своих родов или общественных единиц и их подразделений так же, как совершающееся вследствие естественного размножения людей образование новых родовых делений”¹⁷.

На практике это вылилось в два основных мероприятия. С одной стороны, предпринимались меры по распространению общего названия “казахи” по отношению к всем родам и племенам со стороны советских органов и учреждений. Так, в ходе переписи 1926 г. переписчики в Казахстане были вооружены специальными инструкциями, где прямо указывалось, что если опрашиваемые на вопрос “К какому народу они себя относят?” отвечают названиями племен (албан, табын и т.д.), то их следует записывать казахами.

С другой стороны, в аулах, живших пока старыми “донациональными” представлениями, внедрялись в повседневную практику специальные термины, которые обозначали знакомые кочевникам явления новыми “национальными” определениями. Например, прилагательное “агайшылык”, которое означало чувство общности среди потомков одного предка, стало заменяться словом “казакшылык”, которое применялось уже ко всем казахам. Выражение “бозгыш”, которое описывало предателя интересов аула, стало дополняться новым контекстом – так называли уже предателя интересов казахской нации. Таким образом, “казахская нация” в представлении простых кочевников стала просто расширенным аулом или родом, каждый член которого чувствовал солидарность с другими его членами, подкрепленную традиционными институтами и не вызывающую поэтому внутреннего сопротивления.

Очевидно, что сходным образом происходило внедрение “национальных категорий” и в сознание оседлых народов Средней Азии в советский период. Надеюсь, что статья А. Ильхамова и возникшая по ее поводу дискуссия сможет приоткрыть завесу над многими ранее не обсуждавшимися темами в этнической истории и будет способствовать более глубокому пониманию природы “этничности”, которая продолжает играть значительную роль и в современной социальной истории нашего региона.

Примечания

¹ “Киргизами” называли казахов российские ученые, путешественники и политики в XVIII–XIX и в начале XX в.

² Юз, джуз – родо-племенное объединение; казахи делятся на три джуза.

³ Уран – боевой клич.

⁴ Баллюзек Л. Народные обычаи имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой киргизской орде силу закона, опубликованные в 1871 г. // *Материалы по казахскому обычному праву*. Алма-Ата, 1948. С. 220.

⁵ Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889. С. 27. Более подробно об этом: *Савин И.С.* О категориях группового сознания у казахов-кочевников // *Вестн. Евразии*. 1999. № 1–2.

⁶ Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. С. 250.

⁷ Киргизы // *Жизнь национальностей*. 1919. № 13 (21).

⁸ Жургенев. Город и аул в восстании казаков 1916 года // *Советская степь*. 1926. № 196 (803).

⁹ Султангалиев М. Социальная революция и Восток // *Жизнь национальностей*. 1919. № 38 (46).

¹⁰ Ходжанов. О перенесении центра КССР в Акмечеть // *Советская степь*. 1925. № 371.

¹¹ Сергазиев. Этнографический материал и национальность // *Советская степь*. 1925. № 411.

¹² Пестковский С. Национальная культура // *Жизнь национальностей*. 1919. № 21(29).

¹³ Цит. по: Советское строительство в аулах и селах Семиречья 1921–1922 гг. Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1957.

¹⁴ *Советская степь*. 1926. № 51(657).

¹⁵ Немченко М. Национальное размежевание Средней Азии. М., 1925. С. 3–4.

¹⁶ Исследование “этнизации” коллективного сознания народов Средней Азии в советский период важно еще и потому, что позволяет глубже понять механизмы этнической мобилизации в постсоветский период и основные черты современного массового сознания, особенно на фоне возрастающих новых вызовов внутренней стабильности этих обществ со стороны радикальных идеологий.

¹⁷ Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // *Живая старина*. 1894. Год 4-й. Вып. III–IV.

© ЭО, 2005 г., № 1

У. Фиерман

О “НАЦИОНАЛИЗАЦИИ” УЗБЕКОВ

В работе Алишера Ильхамова “Археология узбекской идентичности” дан очень полезный анализ процесса конструирования узбекской идентичности и, в частности, дискуссий об изменявшемся значении термина “узбек”, а также других терминов, относящихся к идентичностям групп людей, чьи потомки населяют сегодняшний Узбекистан. А. Ильхамов приводит убедительные аргументы в поддержку своих выводов, и, хотя судить о его рассуждениях по поводу ранних периодов истории – не в моей компетенции, у меня нет серьезных возражений по поводу его выводов о том, каким образом эти периоды интерпретировались советскими историками. В нижеизложенных замечаниях мне бы хотелось попытаться восстановить некоторые фрагменты общего контекста обсуждаемой темы, которые, как мне кажется, стоит принимать во внимание при рассмотрении вопросов, которые поднимает А. Ильхамов, а также дополнить рассуждения А. Ильхамова рядом деталей.